

сможет каким-то чудом обмануть «сыворотку правды» и уйти от ответственности, то невиновный ни при каких обстоятельствах не сможет быть казнен. Более того, каждый человек, арестованный или иным образом подвергнутый государственному принуждению, не совершавший того, в чем его обвиняют, должен иметь право обратиться с требованием провести допрос с использованием «сыворотки правды», по результатам которого он должен быть реабилитирован, и в необходимых случаях ставится вопрос о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в незаконном аресте и незаконных методах ведения следствия. Никаких ужасных нарушений прав человека здесь тоже нет: это дело добровольное и несколько минут отсутствия самоконтроля гораздо лучше 5-летнего ожидания в СИЗО, пока суд «разберется» (а может, и не разберется).

Приговоренных к смертной казни, помимо этого контрольного барьера для казни по ошибке, можно проверять на полиграфе, снимать информацию с помощью гипноза, проводить сканирование области памяти мозга (Р300), анализировать ДНК и т.д. Таким образом, проблема судебных ошибок, которая и так была мало актуальна (все «ошибки» являлись преступлениями), может быть окончательно снята с повестки дня.

Ю. Антонян

ЕСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ЗА КОТОРЫЕ СЛЕДУЕТ КАЗНИТЬ

Во всем мире диспуты о смертной казни периодически разгораются со значительной силой. В них принимают участие и специалисты, и просто совестливые люди, руководствующиеся этическими и религиозными принципами. К сожалению, в число специалистов иногда ошибочно попадают те, которые в этом профессионально не разбираются,

не обладают глубокими знаниями личности самых опасных преступников и мотивов их преступных действий. Но без таких знаний проблемы смертной казни решать невозможно.

В европейских странах смертная казнь или отменена, или не применяется. Европейцы считают: нет такого права, чтобы одни люди лишали жизни других, применение смертной казни сводит общество до уровня преступников. Считается, что это и есть подлинный гуманизм. По моему мнению, неотъемлемого права на жизнь не существует вообще. Когда на страну напал враг, невозможна даже постановка вопроса о том, чтобы сложить оружие. Солдатам, чтобы защитить соотечественников, государство, приходится убивать захватчиков. Точно так же бывают ситуации, когда человек может защитить себя от насильника, убийцы, только лишив жизни его самого. Безусловно, надо проявлять гуманность даже в отношении преступников. Но мы в первую очередь должны думать о жертвах преступлений, об их родственниках и близких потерпевших, о справедливом возмездии убийцам, наконец, о потенциальных жертвах. Существующий у нас мораторий на смертную казнь открывает некоторые дополнительные возможности совершения убийств. Так, уже никакое наказание не может уstrasить отбывающего наказание в виде лишения свободы, если он решил убить другого осужденного или представителя администрации. У нас такой опыт, к сожалению, есть: в 1947 году в СССР была отменена смертная казнь, что привело к росту числа убийств в местах лишения свободы.

Не надо думать, что в Европе по вопросу отмены смертной казни царит полное единодушие. Там постоянно возникают дискуссии о ее возобновлении. В США, на которые мы сейчас любим ссылаться, смертная казнь применяется во многих штатах, хотя дискуссии по ее отмене тоже идут. В одном штате к высшей мере приговаривают даже несовершеннолетних. Не так давно ее применяли и за изнасилование.

Стоит, однако, отметить, что наша страна задолго до моратория стала крайне осторожно применять смертную казнь. Если в советское время к высшей мере наказания приговаривали за изнасилование, за целый ряд государственных преступлений, за хищения и взяточничество

в особо крупных размерах, то в последнее время — только за убийства.

Сторонники применения смертной казни считают, что, когда в стране экономический хаос, политическая власть не стабильна, правоохранительная система не справляется со своими обязанностями, отмена высшей меры наказания только усугубит ситуацию.

Я нахожу такой аргумент безнравственным. Почему кого-то надо расстрелять, если в стране плохо работает власть или кто-то ворует? Тот, кто совершил убийство, не имеет никакого отношения ни к политическим, ни к экономическим проблемам, ни даже к тем, кто тоже совершает убийства. Он должен отвечать за содеянное им лично, а не за ошибки политиков и экономистов. Никого нельзя наказывать, тем более казнить, для того чтобы уstrasить кого-то. Уstrasять должен не факт казни, а наличие соответствующего закона.

Существует такое мнение: угроза смертной казни никого не остановит от совершения тяжкого преступления. Кого-то, бесспорно, нет. Но я знаю много случаев, когда человек останавливался перед убийством, понимая, что его впоследствии могут казнить. Это ведь естественная реакция на угрозу смерти. Тем более что убийство может быть совершено при таких обстоятельствах, когда обнаружить преступника очень легко. Если таким путем спасена хоть одна жизнь, это уже хорошо.

Сторонники отмены смертной казни также часто говорят о том, что в случае ее применения может пострадать и невинный человек. Конечно, это возможно. Однако при цивилизованном правосудии, к которому мы стремимся, судебные ошибки должны быть сведены к ничтожному уровню. Наконец, в большинстве уголовных дел об убийствах ни у кого нет сомнений в том, кто их совершил.

Противники смертной казни утверждают, что уголовная статистика не свидетельствует о снижении числа убийств в случае применения такого наказания. Действительно, коррекцию здесь обнаружить трудно, но дело не в статистике: если, повторяю, путем угрозы высшей мерой

наказания будет спасена хоть одна жизнь, это уже прекрасный результат. Ну а уровень убийств подвергается воздействию множества факторов, а не только наличию закона о смертной казни.

Каков же выход?

Думаю, что есть люди, которые своими исключительно жестокими и кровавыми деяниями сами вычеркнули себя из жизни. После этого они уже не достойны жить среди других и крайне опасны. Но нельзя всех людей, совершивших тяжкие преступления, мерить одним аршином.

На мой взгляд, все убийства надо разделить на две группы. К первой относятся убийства личности, когда убивают своего врага или того, кого считают своим врагом из самых разных соображений, ради завладения имуществом, из ревности, в драке и т.д. Здесь жертва лично знакома, пусть и более чем поверхностно, например в уличном конфликте. Но она не избирается по признаку религиозной, национальной, социальной и иной принадлежности.

Однако совсем другую группу составляют, условно говоря, уничтожители самой жизни. Такого рода преступления представляют наибольшую опасность. К ним относятся, например, убийства детей, серийные убийства, в том числе сексуальные и наемные, террористические акты, когда преступнику вообще совершенно безразлично, кто погибнет в результате его действий. Он даже не знает, кто живет в том доме, под который он заложил гексаген. Если к первым преступникам может быть применено очень суровое наказание, вплоть до пожизненного заключения, но сохранена жизнь, то вторые должны наказываться смертной казнью.

Они составляют группу исключительно опасных некрофильских убийц, которые только в смерти, иногда даже в своей, видят единственный выход из ситуации, они прислужники смерти, она им близка и понятна, они убивают без колебаний и сомнений. Представители этой группы подлежат казни.

Приведу такой пример. Преступник, который отбывал наказание за убийство, сбежал из колонии. После этого он убил еще трех человек. Они не сделали ему ничего

плохого. Он их даже не знал. Сначала был мужчина, о котором он подумал, что это сотрудник МВД, хотя тот им не был. Потом ударом ножа он убил одну женщину и несколькими ударами другую, обе были случайными встречными. Его поймали. Когда я его спросил об отношении к совершённому, он ответил, что проявил себя по-настоящему, потому что и мужчину, и первую женщину убил одним ударом. Но он был недоволен собой, потому что вторую женщину убил не сразу, пришлось несколько раз колоть. Этот человек, на мой взгляд, является уничтожителем жизни. С ним, с такими, как он, просто невозможно жить на одной планете. В свое время я написал книгу о подобных людях, назвав ее «Убийство ради убийства».

Не так давно по телевидению показывали мужчину, который убил более десяти женщин. Так он даже жил на кладбище. По сути, это человек смерти. Этих людей я и называю некрофильскими личностями. Они ощущают необычайно большую близость к смерти. Зачастую окружают себя ее символами. И всегда стремятся к смерти, своей или чужой, реализуя это в особо опасных формах. Да, и к своей — это не преувеличение. Об этом они откровенно говорят в беседах. Из их числа те 22%, кто еще до введения моратория в России был осужден к смертной казни, но не подавал прошения о помиловании. По полученным нами данным, склонность к суициду наличествует у 31,8% преступников, совершивших одно убийство, и у 61,9% лиц, осужденных за три и более убийств, т.е. у последних почти в два раза больше. Я хочу сказать, что смерть притягивает их.

Но быть некрофилом и представлять угрозу для общества — это разные вещи. Интерес к смерти вообще присущ человечеству. Он проявляется в религии, искусстве... Так и некрофильские личности просто необходимы обществу. Некоторые из таких людей работают, например, в морге, где выполняют общественно полезную функцию. Если некрофил стал опасен для общества, он, следовательно, не получил соответствующего воспитания, и в его психике должно присутствовать что-то, толкающее его на преступление.

Что представляют собой самые опасные убийцы? В 1996 г. в одной исправительной колонии Вологодской области я обследовал осужденных, которые отбывали там пожизненное лишение свободы, — 107 человек. Лишь трое из них были моложе 25 лет, 101 человек в возрасте от 26 до 55 лет, трое в возрасте от 56 до 60 лет, старше 60 лет не было ни одного. Впервые отбывали уголовное наказание только 30 человек, во второй раз — 25 человек, в третий — 22, в четвертый — 20, в пятый — 11, в шестой — 8 и один человек отбывал в восьмой раз. Таким образом, большинство не впервые преступило уголовный закон, а 62 человека сделали это не менее чем в третий раз. На одного осужденного «приходится» в среднем 2–3 трупа.

Религиозно-этические возражения против смертной казни часто сводятся к тому, что в случае казни осужденный лишается возможности покаяния. Но, во-первых, покаяться вполне можно до казни; во-вторых, оставлять жизнь только для покаяния неправильно. Однако самое главное состоит в том, что покаяние, действительное раскаяние в содеянном, совсем не характерно для преступников, в том числе для убийц. «Мальчики кровавые в глазах» бывают не в жизни, а в литературе. Из сотен убийц, которых я обследовал в своей практике, только двое действительно раскаялись. К Богу обращаются не так уж много, хотя верующих там сейчас больше, нежели раньше. Причем обращаются к разным богам, даже Кришне. Но надо ответить на вопрос: почему им это понадобилось?

Дело в том, что, как только человек совершает преступление, он чаще всего думает о том, чтобы не попасться. А как только попадает, все его внимание переключается на собственную защиту. Человек устроен таким образом, что он старается защититься от возможной агрессии. Так, оказавшись в колонии, он думает о том, как ему защититься от новой ситуации, от окружающих его там людей. Отсюда обращение к Богу, у которого он тоже ищет защиту, а не перспективу для покаяния.

Ведь в чем заключается отношение убийц к совершенному? Многие из них в принципе осуждают убийство, но

применительно к себе они рассуждают так: у меня были особые обстоятельства, я не мог не убить. Как только убийцу берут под стражу, он весь в защите и вытесняет всякие мысли о покаянии.

Покаяние заключается не в том, чтобы признать убийство ни с чем не сравнимым грехом. А в том, чтобы человек осознал свою вину, понял, что он должен за нее понести наказание и нет ему никакого оправдания. Чтобы он принял кару и постарался хоть как-то искупить вину. Вместо этого практически все осужденные за убийство невольно сравнивают наказание свое и других за аналогичное преступление и почти всегда приходят к выводу, что сами-то они достойны большего снисхождения, чем те, кому назначено менее строгое наказание. Это постоянное сравнение приводит человека к выводу, что он наказан несправедливо. Это тоже закрывает путь для покаяния.

Разве покался Чикатило, убивший 53 человека? Разве покался Маквей, казненный 11 июня 2001 года в США за террористический акт, унесший 168 человеческих жизней? Разве покался хоть один нацистский или большевистский палач?

Сейчас ведется активная борьба за отмену смертной казни, и вроде бы она победна, во всяком случае сокращается число стран, применяющих такое наказание. Какой же следующий объект наступления у «гуманистов»: пожизненное лишение свободы, длительные сроки лишения свободы, тюрьмы? Ведь они никогда не остановятся. Между тем преступлений совершается все больше, они столь же кровавы и беспощадны, что и прежде, а цивилизация не нашла способов эффективной профилактики. Да их в принципе невозможно найти, ведь преступление так же естественно, как зачатие, рождение и смерть.

Так не пора ли остановиться и задуматься?